

ЧЕЛОВЕК БЕЗ БИОГРАФИИ: ЛИНИЯ ЖИЗНИ ГРИГОРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЕЧОРИНА¹

С. В. Савинков, Е. В. Соколова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 февраля 2017 г.

Аннотация: в настоящей статье представлены разные подходы к объяснению того, почему у героя романа Лермонтова нет связной жизненной истории, и предложена попытка рассмотреть это странное обстоятельство, исходя из общей логики лермонтовского мира.

Ключевые слова: биография, прошедшее, власть, предчувствие, предубеждение, действительность

Abstract: this article presents different approaches to the explanation of why in Lermontov's novel the hero has no coherent life story, and it is offered an attempt to examine this strange circumstance, based on the general logic of the world of Lermontov.

Keywords: biography, past, power, presentiment, prejudice, reality

В свое время еще В. И. Левин обратил внимание на то, что печоринские монологи весьма противоречивы [1, 276 – 282]. Одним герой говорит одно, а другим или самому себе может сказать прямо противоположное: каждый раз он как бы заново и по-новому выстраивает свою биографию. В результате Печорин не дает возможности свести в отношении себя концы с концами ни жертвам своих обманных словесных манипуляций (по ловкости, видимо, не уступающих фокуснику Апфельбауму), ни многоопытным критикам и литературоведам.

Одну из попыток найти объяснение такой печоринской «лживости» читатель найдет в статье Вольфа Шмида, подошедшего к решению этой задачи не столько со стороны строения личности героя, сколько со стороны исторической нарратологии, указывающей на то, что Лермонтов так и не преодолел «романтического моноперспективизма и разложения сознания на шаблонную двойственность». С точки зрения ученого, не вмещающаяся в «одном человеческом сознании» противоречивость Печорина во многом объясняется тем, что роман Лермонтова еще не наделен той нарративной структурой, с помощью которой реалистическая литература будет выражать психологическое состояние персонажа. У Лермонтова «предмет самоанализа является не замкнутым субъектом, выдвигаемым при всей раздвоенности героев, например, поэтикой Достоевского, а точкой пересечения разных байронических исповедей», проникнутых идеей романтического эстетизма. И потому, как полагает В. Шмид, в ис-

поведи Печорина нет и не может быть «прямого, довлеющего своему предмету слова, которое бы его лишило эффектности и импрессивности». Поэтому герой не живет, а играет, меняя роли и маски и – в духе романтического нигилизма – подменяя этику эстетикой: «такая игра – самая постоянная черта Печорина» [2, 478].

Интересную попытку объяснения отсутствия у Печорина единой, связной и непротиворечивой биографии предпринял Мирослав Дрозда, посмотрев на это странное явление с точки зрения не менее странной повествовательной структуры романа. М. Дрозда попытался найти содержательное объяснение такой структуре. Прежде всего он увидел в сюжете романа не только цепь событий, но и «определенный смысл, заключающийся в соотношении происходящего с системой жизненных норм, действующих для рассказчика или для слушателя, соответственно». Дело в том, что одно и то же событие может обретать разный смысл в зависимости от того, с чьей точки зрения оно увидено и рассказано. И дело в том, что, как правило, на события смотрят сквозь как бы уже определенную, заранее заданную призму. Максим Максимыч смотрит на историю Бэлы сквозь призму, заданную его кругозором, а странствующий офицер – своего, и видят они, соответственно, разные истории с разными главными персонажами. Если для Максим Максимыча это история о Печорине как о представителе «необъяснимой чуждой силы», которая вторгается в тот мир, которому принадлежит Бэла (и который вполне обычен и понятен штабс-капитану), то для путешественника эта история о кровавой мести в ореоле кавказской экзотики (дикими обычаями, кровной мезьью и т. д.), привлекательной, но чуждой его культуре, и поэтому на первом плане его истории у него оказывается

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ № 15– 04 – 00498

не Печорин, а экзотичный Казбич. Но нарратологический «фокус» лермонтовского романа состоит в том, что помимо воли и желания и Максим Максимыча, и путешественника шаблонные контуры их историй разрушаются вторжением в них чужеродных ей элементов (на уровне жанровой системы – вторжением в нефиктивные литературные жанровые модели беллетристических элементов). Так, «в “Максиме Максимыче” шаблонному мышлению рассказчика противоречат самые факты, появляющиеся как будто произвольно и неожиданно, помимо его воли и ожидания» [3, 329].

Нечто подобное наблюдается и в «журнале Печорина». Обусловленное определенными идеологическими и эстетическими шаблонами отношение Печорина к реальности тоже построено по беллетристическим шаблонам. Сама же реальность построена по-другому, и это другое все время демонстрирует противоречащие шаблонным взглядам героя факты, показывая тем самым его неполную компетентность по отношению к предмету повествования.

Впечатление произвольности, впечатление, что роман возникает как бы помимо авторского замысла, как бы по воле самой реальности, порождается общей для всех нарративных голосов, по слову М. Дрозды, «ситуированностью» повествования: «этим общим принципом является противоречие между горизонтом рассказчика и пространством “реальности”, т. е. между закрепленным в сознании рассказчика миропорядком и внесистемными фактами, которые попадают в его поле зрения, принимают участие в действии и формируют его в известном расхождении с ожиданием повествователя» [3, 346].

Совпадение реальности и взгляда на эту реальность могло бы стать основой для обретения героем «связной последовательной деятельной биографии», которой как раз у Печорина нет. Повествовательная структура «Героя нашего времени», как полагает М. Дрозда, в конечном счете и нацелена на то, чтобы четко обозначить противоречие между необходимостью и невозможностью такой биографии для героя, жизнь которого «протекает в несоединимых контрастирующих пространствах, на полюсах бездейственного наблюдательства и смертельно-азартного поступка» [3, 345].

Несколько иной подход к вопросу о биографии Печорина находим у Н. Д. Тамарченко. Н. Д. Тамарченко заметил, что отсутствие сюжетных связей между разными печоринскими историями (фактор, отрицающий возможность биографии) «выражается еще и в том, что в каждой из них у героя особое прошлое, соответствующее особому настоящему. Так, если отношения Печорина с Бэлой выглядят попыткой разочарованного героя обрести гармонию с миром в любви, то ее неудача подготовлена цепью

аналогичных попыток и неудач в прошлом. В «Княжне Мери» отношения Печорина с женщинами строятся в настоящем совершенно иначе – на стремлении полностью подчинить другого человека своей воле. И этому настоящему соответствует совсем иное прошлое, в частности, роман с Верой» [4, 139].

Если предпринять попытку подойти к изучению вопроса о печоринской биографии (а точнее, о ее отсутствии) изнутри лермонтовского мира, то, безусловно, особого истолкования потребуют три вещи: странная особенность печоринского устройства (на которую герой времени указал в своем дневнике: «...я глупо создан: ничего не забываю, ничего» [5, 273]), а также – его фатальная зависимость от прошедшего и таинственная способность к визионерству.

Пожалуй, наиболее яркое (и наиболее, с точки зрения смысла, «темное») высказывание о визионерской способности Печорина принадлежит А. М. Евлахову: «Он (Печорин) наперед уже знает все то, что с ним случится, ибо душа его, непосредственно общаясь со стихией, которой составляет часть, проникает по ту сторону вещественной действительности. У него тысячи духовных глаз, и этими глазами он проникает через завесу Неизвестного». И далее: «Он не только сохраняет неразрывную связь со своим прошедшим, которое для него никогда не перестает существовать, но имеет какую-то странную власть над своим будущим» [6, 15]. Попробуем разобраться в существе дела.

В журнале от 13 мая Печорин напишет: «Мои предчувствия меня никогда не обманывали» [5, 273]. И это действительно так: *предчувствия* «героя времени» никогда не обманывают. Печорин заранее «знает» и о том, что торжествовать Грушницкому в любовных делах придется недолго, и о том, что ему непременно суждено будет с ним встретиться на узкой тропинке. Предчувствие не обманывает Печорина и в любовных делах: знакомясь с женщиной, он всегда безошибочно отгадывает, будет она любить его или нет. Например, о том, что обрисованная доктором Вернером женщина – Вера, Печорин догадывается сразу, и сам поражается своей в этом уверенности: «Зачем она здесь? И она ли? И почему я думаю, что это она? И почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках?» [5, 277]. Но не только предчувствием обладает герой: есть еще одно слово с приставкой – «пред», которое имеет к нему непосредственное отношение. Это слово «предубеждение» («Я часто склонен к предубеждениям» [5, 251]). Печоринские сентенции (в духе максим Ларошфуко) о невозможности истинной дружбы и постоянства в любви формулируют его стойкие предубеждения («...Я к дружбе неспособен. Из двух друзей всегда один раб другого...» [5, 269] и др.).

Однако вернемся к дневниковой записи от 13 мая, у которой есть продолжение. За размышлением

о необманиваемых предчувствиях последует другое: Печорин станет говорить о власти над собой прошедшего. «Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мной: всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет мне в душу и извлекает из нее все те же звуки; я глупо создан: ничего не забываю, ничего» [5, 273]. «Предчувствия» и «власть прошедшего», соединяясь между собой в одном синтагматическом ряду, оказываются таким образом и в одном семантическом поле.

Давно уже было замечено, что между лермонтовскими героями есть несомненная «генетическая» связь, что, по сути, в разных произведениях мы имеем дело не с разными персонажами, а с одним и тем же, но представленным в разные периоды своей жизни [7, 229–253]. Причем, оказываясь в пространстве другого произведения и, соответственно, – на новом этапе, герой как бы сохраняет в себе память о своем былом состоянии, подобно тому, как каждое последующее звено в развитии природы или человека (если провести аналогию с популярными в 30-е годы гердеровско-шеллингианскими идеями) повторяет («помнит») все предыдущие. К примеру, прошлое, от которого Евгений Александрович Арбенин захочет освободиться, все же удержит его в своей власти: оно подозрением в обмане как бы напугивает его о гибельной участи его предшественника и однофамильца (в определенном смысле – его самого), преданного и любимой, и другом. Тем не менее в этом герое до определенного момента еще живет (тоже, видимо, переданная ему по наследству от Владимира Арбенина) детская вера в возможность обновления: она и позволяет ему, пусть и на короткое время, забыть и отдаться надежде. Даже в Демоне еще живет способность забываться. А вот у Александра, одного из «двух братьев» (от которого многое передается «герою времени» – Печорину), такой возможности уже нет: «Отчего я никогда не могу забыть? Отчего я читаю в душе своей, как в открытой книге? Отчего чувства у меня так мертвы? Отчего в самую решительную минуту моей жизни сердце мое неподвижно, ум свеж, голова холодна...» [5, 428].

В «Фаталисте» Печорин произнесет фразу, которая при внимательном ее прочтении обнаруживает парадоксальную двусмысленность: «...я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает» [5, 347]. Что значит, «когда не знаю»? Выходит, можно идти вперед и зная, что тебя ожидает? Не этим ли «когда не знаю» определяется печоринская установка идти вперед не оглядываясь: «Надо только не смотреть, а идти прямо; – мало-помалу чудеса исчезают... зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет и обернешься назад» [5, 309] (слова, произнесенные доктором Вернером по другому поводу, но имеющие прямое отношение и к судьбе Печорина).

Близкие мотивы звучат и в лермонтовской лирике («И, полный чувствами живыми, Страшуся поглядеть назад, – Чтоб бытия земного звуки Не замешались в песнь мою, Чтоб лучшей жизни на краю Не вспомнил я людей и муки...» [6, 175]). Обернуться назад и означает узнать, «вспомнить» о том, что тебя ожидает. Но и безоглядное движение героя вперед так или иначе сопровождается имеющими таинственную связь с его памятью о прошлом предчувствиями.

И хотя дар предчувствия принадлежит не только Печорину (им обладает, к примеру, и Владимир Арбенин: «Я чувствую присутствие сверхъестественной силы, и неизвестный голос шепчет мне: «Не старайся избежать судьбы своей! Так должно быть!» [8, 213]), он единственный среди других лермонтовских персонажей герой, который «провидит» свое будущее в прошлом и, провидя его, старается избежать предвещающей гибель судьбы. (Ср. мотивы раннего стихотворения: «Есть грозный дух: он чужд уму. Любовь, надежда, скорбь и месть – Все, все подвержено ему. Он основал жилище там, Где можем память сохранять. И предвещает гибель нам, Когда уж поздно избежать» [9, 113].)

И это «знание-предчувствие», по всей видимости, и обуславливает логику выстраиваемого «от противного» антигеройского поведения Печорина: чтобы не томиться по родине, лучше ее не иметь; чтобы не разочароваться в любимой, лучше никого не любить; чтобы не быть обманутым, лучше обманывать самому; чтобы не испытать горечь разлуки, лучше и не встречаться. Но оно же, знание-предчувствие, ограничивает его жизненный горизонт, его свободу и, в конечном счете, возможность быть включенным в действительную жизнь и обрести собственную биографию.

Пытаясь изменить уготованную ему судьбу, герой тем не менее выстраивает свое «антиповедение», ориентируясь в настоящем времени на запечатленный в его памяти «ландшафт» давно известной ему «книги». А между тем реальное изменение в его бытии могло бы наступить в том случае, если бы герой нашел в себе силы на то, чтобы признать, что действительная жизнь может располагать совсем иными возможными конфигурациями. Что ни говори, а Печорина ожидает не смерть, согласно предсказанию, от «злой жены», а совсем иной финал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левин В. И. Об истинном смысле монолога Печорина / В. И. Левин // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814 – 1964. – М., 1964.
2. Шмид В. О новаторстве лермонтовского психологизма / В. Шмид // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Антология. – СПб., 2014. – Т.2.
3. Дрозда М. Повествовательная структура «Героя нашего времени» / М. Дрозда // М. Ю. Лермонтов: pro et

contra. Антология. – СПб., 2014. – Т.2.

4. Тамарченко Н. Д. Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра / Н. Д. Тамарченко. – М., 1997.

5. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 6.

6. Евлахов А. М. Надорванная душа (к апологии Печорина) / А. М. Евлахов. – Ейск, 1914.

7. Галахов А. Д. Однородность характеров Арбенина, Измаила, Печорина и родственное их отношение к поэту / А. Д. Галахов // М. Ю. Лермонтов. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. – М., 1916.

8. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 5.

9. Лермонтов М. Ю. Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. – М.; Л., 1954–1957. – Т. 1.

Воронежский государственный университет

Савинков С. В., профессор кафедры истории журналистики и литературы

E-mail: svspoint@yandex.ru

Voronezh State University

Savinkov S.V., Professor of the History of Journalism and Literature Department

E-mail: svspoint@yandex.ru

Воронежский государственный педагогический университет

Соколова Е. В., старший преподаватель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

Voronezh State Pedagogical University

Sokolova E.V., Senior Lecturer of the Theory, History and Technique to Teach Russian Language and Literature Department